

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)
Б58

Бжезинский, Збигнев.

Б58 План игры. Геополитическая борьба США с СССР : [перевод с английского] / Збигнев Бжезинский. — Москва : Родина, 2023. — 304 с.

ISBN 978-5-00180-983-8

Збигнев Бжезинский (1928—2017) — американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения. Он был директором Трехсторонней комиссии, которую многие исследователи считают «мозговым центром» мировой политики. Долгое время Бжезинский являлся ведущим идеологом внешней политики США.

Книга «План игры» была написана на пике противостояния США и СССР. С точки зрения Бжезинского, американо-советское соперничество — «борьба не только двух стран. Это борьба империй». Он подробно анализирует характер и причины «русской территориальной экспансии», пытается сравнить «две империи» и дать определение «великороссийского имперского сознания». Автор завершает свою книгу призывом «превзойти СССР исторически, вкладывая в это понятие «ослабление внешнеполитического имперского импульса» и даже «распад советской империи».

Как заявлял автор, данная книга — «это практическое руководство к действию». Меры, которые были в ней намечены, позже осуществлялись и продолжают осуществляться и в отношении России.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)

ISBN 978-5-00180-983-8

© ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	6
Глава I. Столкновение империй	9
Глава II. Борьба за Евразию	40
Глава III. Периферийные зоны уязвимости	87
Глава IV. Одномерный соперник: оценка угрозы	114
Глава V. Стратегические императивы США	157
Глава VI. Американские геополитические приоритеты	218
Глава VII. Превосходя исторически	270
Сводка основных положений и рекомендаций	286

ОТ АВТОРА

Эта книга — побочный результат моей деятельности на посту помощника президента США по национальной безопасности с 1977 по 1981 г. и преподавательской деятельности по проблемам национальной безопасности США после возвращения в Колумбийский университет на должность профессора в 1981 г. Поэтому я в первую очередь признателен своим бывшим коллегам по совету национальной безопасности и студентам Колумбийского университета, с которыми и для которых я стремился выработать цельную систему стратегических взглядов. Кроме того, при написании книги мне принесло большую пользу сотрудничество с Центром стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, где были созданы прекрасные условия для серьезного обсуждения геостратегических проблем.

Окончательный вариант рукописи был просмотрен и подвергнут критическому анализу двумя близкими мне людьми, мнением которых я особенно дорожу, — профессором Сэмюелом Хантингтоном и генералом Уильямом Одомом. Они не несут ответственность за недостатки окончательного варианта, но их критические замечания и рекомендации во многом улучшили то, что теперь дошло до читателя. Отдельные части законченной рукописи прочитал также полковник Гарри Саммерс-младший, и я благодарен ему за полезные комментарии.

В основу книги положен следующий главный тезис: американо-советское состязание не какое-то временное отклонение, а исторически сложившееся противоборство. Это состязание носит глобальный характер. Однако оно

имеет отчетливые геополитические приоритеты, и, чтобы одержать верх, Соединенные Штаты должны вести его на базе последовательной и широкой стратегической перспективы. Поэтому данная книга посвящена не порокам советской системы в противопоставлении с достоинствами американской демократии, а представляет собой практическое руководство к действию.

Исходным пунктом в книге «План игры» является геополитическая борьба за господство в Евразии, но в ней также затрагиваются второстепенные и косвенно вытекающие из этой борьбы вопросы, равно как и соперничество в океане и космосе, служащее продолжением борьбы за контроль на земле. Тем самым полностью показана геостратегическая структура исторически сложившегося американо-советского противоборства.

Создание исключительно разрушительного ядерного оружия привело к вероятности того, что американо-советское соперничество не обернется в конечном итоге войной — если война не вспыхнет в результате ошибочного расчета или если одна из сторон не достигнет столь подавляющего ядерного превосходства, что соблазнится нанести удар первой.

Это означает, что конфликт между США и СССР превратился в «игру». Каждая из сторон играет в соответствии со своими собственными правилами и ведет свой собственный счет. Каждую из них сдерживает лишь боязнь возмездия за излишне провокационную тактику.

Такая необычная игра, не имеющая перспективы достижения победы традиционного типа и официально установленных правил, частично кодифицирована опытом и ограниченным взаимопониманием, примером чего является контроль над вооружениями. Однако она по-прежнему остается исключительно мобильным соперничеством с применением маневра, давления, а иногда даже и силы. Первая цель в игре — не потерпеть поражения; вторая —

набрать очки согласно собственной системе подсчета (или системе ценностей); конечная, но отдаленная цель — одержать победу.

Чтобы выстоять в этой исторической игре, требуется не только политическая воля, но и долгосрочный план. В этой книге делается попытка определить в общих чертах необходимые компромиссы с учетом неизбежных бюджетных трудностей и наметить подходящий геостратегический план игры для США.

ГЛАВА I. СТОЛКНОВЕНИЕ ИМПЕРИЙ

В начале 1985 г. министра иностранных дел одной из стран НАТО принимал его почтенный советский коллега — Андрей Громыко. Проявляя профессиональную общительность или, возможно, учтивость, вызванную чувством ностальгии в связи с предстоящей отставкой, советский министр неожиданно поведал своему гостю, что он взял себе за правило несколько раз в неделю удаляться из рабочего кабинета в небольшую комнату отдыха, где он может поразмышлять наедине с самим собой. Пригласив несколько удивленного и одновременно польщенного этим западного гостя пойти туда вместе с ним, Громыко с нескрываемой гордостью отворил дверь, ведущую в маленькую комнату, где напротив большой настенной карты мира стояло удобное кресло. «Примерно час, — сказал Громыко, — я ничего не делаю, а лишь сижу здесь, смотрю на карту и думаю...».

Просто, но впечатляюще! Много ли найдется на Западе министров иностранных дел, людей, часто не слишком сведущих в вопросах внешней политики и обычно занимающих свои посты самое большее года три, которые удосуживаются систематически размышлять над значением геополитики и стратегии для выработки внешнеполитической линии своих стран? Сомнительно, чтобы многие государственные секретари США (а их за время пребывания Андрея Громыко на своем посту сменилось девять) проводили много времени в глубоких размышлениях над историческими и геополитическими императивами, определяющими отношения страны с остальным миром.

Можно лишь предполагать, что имел в мыслях Громыко, маститый министр иностранных дел великой россий-

ской империи, находящейся под властью коммунистов и названной в данную историческую эпоху Союзом Советских Социалистических Республик, когда он созерцал распростертое на стене изображение нашей планеты. Самая большая часть суши, соотносительные размеры которой преувеличены за счет плоскостной проекции на карте, была обозначена буквами кириллицы — «СССР». По величине она доминировала огромным, составляющим единое целое Евразийским континентом, лишь крайние оконечности которого не управлялись из Москвы, а расположенная к югу Африка казалась едва ли не его придатком. По другую сторону голубого водного пространства лежало заметно меньшее Западное полушарие, где господствовал главный противник СССР, находящийся в Северной Америке.

Глядя на размещившийся подобным образом на плоской карте мир, Громыко считал, видимо, противоестественно до горечи обидным, что далекая североамериканская страна столь глубоко вовлечена в политические и экономические проблемы этого занимающего центральное положение Евразийского материка, протянувшегося от Камчатки до Гибралтара. По мнению размышляющего о положении дел русского государственного деятеля, решительное стремление упомянутой страны удержать периферийные регионы — Запад Европу, Дальний Восток и Южную Азию — вне сферы влияния Москвы можно было объяснить лишь агрессивными происками, явно рассчитанными на подрыв законных интересов СССР на Евразийском континенте.

По всей видимости, думал он, карта ясно показывает некоторые «железные законы глобальной политики: водное пространство должно затруднять проникновение североамериканского агрессора в эти ненадежные периферийные регионы центральной части материка, тем самым обеспечивая «естественный» геополитический раздел мира.

Министр иностранных дел был, разумеется, не только геополитиком, но и государственным деятелем, над которым довлела идеология. Такой «естественный» раздел глобального влияния, когда Москва держала бы под контролем занимающий центральное положение материк, а Вашингтон ограничился бы Западным полушарием, изменил бы соотношение сил в мире в пользу социализма, покончив с мировым превосходством враждебной социально-экономической и политической системы, возглавляемой противником в лице Вашингтона.

Однако подобные глобальные и весьма апокалипсические идеологические размышления не смогли бы отвлечь ни умеренного опытом русского министра иностранных дел, ни его преемников от непосредственных политических задач, которые определены именно с позиций геополитики. Карта, висящая на стене, помогала сосредоточиться, уточнить и аргументировать первоочередные цели, укрепиться во мнениях, определить, какие благоприятные возможности следует использовать в случае их появления. Значение карты подкреплялось знанием истории: Громыко также признался что он больше всего любит читать мемуары своих предшественников на посту министра иностранных дел.

Постоянный поиск целей придавал, таким образом, геополитическую направленность советской внешнеполитической деятельности. В противоположность этому соперники Громыко на Западе слишком часто проводили внешнюю политику рефлекторно. Они реагировали в основном на происходящие события, не говоря уже о склонности демократических стран ставить отдельные факты выше исторической перспективы. Как однажды пренебрежительно сказал Громыко одному из своих коллег, его противники «путают тактику со стратегией... Отсутствие твердой, согласованной и последовательной политической линии является их большим недостатком».

Между тем карта может не только способствовать пониманию проблем, но и ввести в заблуждение. Она может вызвать искаженное представление о действительном соотношении сил, нарушая реальные размеры и порождая ложное ощущение центральности географического положения. Поскольку для карты центр выбирается произвольно, она может представить любую страну как основную в глобальной политике. Например, в течение долгого времени китайские карты мира совершенно естественно подтверждали политическое значение термина «Срединное царство». Не удивительно поэтому, что обычные советские карты мира, включая те, которые находятся в официальном советском атласе, имеет прямую линию на 40-м градусе долготы, помещая Москву в самый центр мира. Западное полушарие находится в левой стороне сбоку. От гигантского, довлеющего над остальным миром Евразийского континента его отделяет океан. К западной части континента примыкает Африка, а Австралия плавает поблизости от юго-восточной оконечности Евразии.

Визуальный эффект имеет явную геополитическую направленность: находящиеся в центре континент и столица государства физически господствуют над земным шаром. Следовательно, и политические реалии должны соответствовать этим физическим фактам.

Вряд ли стоит говорить, что подобное изображение не слишком точно передает положение дел в мире. Геополитическая оценка земного шара, а не плоская карта порождает иные точки зрения. Во-первых, Северная Америка, которая включает Соединенные Штаты и Канаду, более близка по размерам к СССР, чем это изображается на советских картах. Во-вторых, океаны скорее не разделяют, как это выглядит на карте, а связывают огромные, выступающие из воды острова, называемые континентами. Обширные водные пространства служат объектами для осуществления стратегического контроля с помощью преобладающих во-

енно-морских сил, являются торговыми морскими путями, а также помогают расширению культурных связей. Такой стратегический контроль может поэтому привести к органичному развитию политических, экономических и культурных связей между периферийными регионами континента и отдаленной трансокеанской державой.

К тому же карта не передает экономической мощи и не позволяет судить о жизнеспособности и размерах населения. Мир выглядит в значительной степени по-иному, если пользоваться этими критериями. Если же принять во внимание размеры валового национального продукта, то Соединенные Штаты получают явное преимущество, превосходя в 2 раза своего ближайшего конкурента. Помимо этих осязаемых факторов, нужно принимать во внимание и такие не поддающиеся учету качественные факторы, как социальная творческая энергия и прогресс новейшей технологии, не говоря уже о культурном динамизме.

Было бы в высшей степени удивительно, если бы Громыко и его преемники игнорировали эти соображения. Опыт Громыко, несомненно, научил его уважать перечисленные выше факторы, так как они помогли свести на нет геополитический детерминизм, который позволил бы Москве установить полный контроль над занимающим господствующее положение континентом. Однако другие государственные деятели часто впадают в ошибку противоположного характера — они слишком легко сбрасывают со счетов территориальный фактор внешней политики, хотя рассмотрение внешней политики с учетом данного фактора позволяет привлечь внимание к тесной связи между географией и политической мощью, между территорией и народом, между историческими тенденциями и геополитическими приоритетами. Без этого внешняя политика теряет крайне необходимую связь между национальной мощью и глобальной стратегией.

Историческое соперничество

Американо-советские отношения являются классическим примером исторического конфликта между двумя крупнейшими державами. Однако они выходят за рамки обычного государственного конфликта. Они также представляют собой борьбу между двумя имперскими системами, которая впервые в истории — заключает в себе попытку двух стран добиться мирового господства. Из этих трех утверждений американский народ готов инстинктивно признать только последнее. Большинство американцев понимает, что американо-советское соперничество носит по своему размаху глобальный характер; иначе не могло бы и быть, так как почти все утренние газеты и все вечерние телевизионные программы новостей представляют наглядные свидетельства этого. В наше время американцы «настроены» на мировую волну с помощью средств массовой информации, и поэтому весьма естественно, что до их сознания доходят факты всеобъемлющего, глобального соперничества.

Парадоксально, но два других утверждения менее близки им по духу. Утверждение об историческом характере конфликта и мысль о том, что американо-советская борьба является последней по времени в длинной серии продолжительных противоборств между крупными державами, труднее усваиваются народом, у которого короткая историческая память и который склонен рассматривать мир как естественное состояние, а войну (или конфликт) как отклонение от него. Еще более непонятным кажется ему утверждение, что американо-советское соперничество — это в значительной степени не только борьба между демократическим и тоталитарным государствами, но и столкновение между двумя большими имперскими системами. Тем не менее, факт остается фактом; американо-советский конфликт действительно превратился в историче-

ское противоборство глобального масштаба между двумя господствующими в мире империями.

Соединенные Штаты и Советский Союз находятся в состоянии конфликта уже почти полвека, что является по своей продолжительности, несомненно, историческим периодом времени. В течение этих десятилетий каждая из сторон считала другую враждебной себе и угрожающей ее жизненно важным интересам и основным идеологическим принципам.

Каждая рассматривала другую как главный источник угрозы не только миру во всем мире, но и собственной национальной безопасности. Каждая громогласно заявляла о своей вере в такой ход исторических событий, который бы был равносильен ее победе, одновременно испытывая страх перед тем, что победу может торжествовать противная сторона.

Хотя такое соперничество стало главной особенностью двусторонних отношений в послевоенный период, американцы осознавали это медленно. Интенсивность социального соперничества двух сторон была, видимо, понята лишь после запуска спутника в 1957 г. Наоборот, Советский Союз почти все время оценивал себя с точки зрения возможности «догнать и перегнать Америку». Соперничество с Америкой давно стало лейтмотивом деятельности советских правительств, внушавших советскому народу необходимость постоянного состязания с основной демократической страной Запада. С этих позиций, по крайней мере, для Советов, возникновение «холодной войны» между двумя сверхдержавами было нормальным явлением, неотъемлемой частью идеологии и истории.

Для Соединенных Штатов дело обстояло иначе. Многие американцы видели в союзе военного времени предзнаменование мира и сотрудничества в послевоенный период. Уолтер Липпман, без сомнения, выразил точку зрения большинства американцев, заявив на страницах газеты

«Нью-Йорк Геральд трибюн» в феврале 1945 г., сразу же после Ялтинской конференции, что Черчилль, Сталин и Рузвельт «приостановили и повернули вспять обычный ход событий в случае победы коалиции, которая, как правило, распадается после того, как война подходит к концу... Жизнь доказывает, что военный союз — отнюдь не преходящее явление, благотворное только перед лицом общего врага. На самом деле он представляет собой ядро и сердцевину нового международного порядка».

Непреходящее историческое значение Ялты состоит на самом деле в том, что она свидетельствует о постоянных амбициях России по отношению к Европе в целом. Ялта стала последней точкой тщательно отрепетированной советской дипломатии, ставившей перед собой цель добиться согласия Англии и США на преобладающую роль СССР во всей Европе. В Ялте Запад не только вновь робко поставил вопрос о Восточной Европе, но и отклонил — опять же нерешительно и туманно — советские притязания на доминирующее положение на западной оконечности Евразийского континента.

Поэтому было бы неверно считать, что в Ялте Запад согласился на раздел Европы. Правда заключается в том, что Франклин Д. Рузвельт и Уинстон Черчилль фактически уступили Иосифу Сталину Восточную Европу еще на Тегеранской конференции (в ноябре—декабре 1943 г.), а в Ялте у руководителей Англии и США появились определенные сомнения относительно этой уступки. Затем они предприняли последнюю, но не увенчавшуюся успехом попытку договориться хотя бы о некоторой свободе для Восточной Европы, что соответствовало бы надеждам Англии и США на установление демократии на всем Европейском континенте. Тем не менее, западным государственным деятелям не удалой противостоять жестокости усилившейся после войны советской мощи, и в результате столкновения между сталинской силой и наивностью Запада сила взяла верх.

Американо-советское столкновение потрясло большинство американцев. Однако потрясение произошло в форме горького разочарования, а не как реакция на естественное развитие событий. Американцы думали, что это странное и временное состояние должно вскоре прекратиться. Последовавшую затем «холодную войну», хотя она и вызвала произвольную вспышку чувств у многих американцев, по-прежнему рассматривали как своего рода недоразумение», с которым следует покончить великим актом примирения.

Этим и объясняются периодические вспышки надежды в преддверии американо-советских встреч на высшем уровне и даже после их завершения, а также мучительные и обескураживающие колебания общественного мнения — от эйфории в отношении разрядки и до истерии, порожденной «холодной войной».

В настоящее время большинство американцев начинает осознавать, хотя эта реальность воспринимается болезненно и неохотно, что американо-советские отношения действительно являются конфликтом, вызванным историей. Растет понимание того, что соперничество двух стран представляет собой борьбу, вызванную многими причинами борьбу, которая не может быть прекращена с помощью широких и быстрых мер и которую их стране придется вести терпеливо, но решительно многие десятилетия.

Это не только борьба идей или борьба за «сердца и умы» людей. Разумеется, идеологическое соперничество играет определенную роль, но его масштабы в последнее время сократились, что объясняется падением революционного пыла и идеологической притягательности Советского Союза. Конфликт между США и СССР проявляется главным образом в стремлении расширить влияние и господство над территориями и народами, а также в наращивании военной мощи с целью запугивания или сдерживания противника. Решающую роль в определении отпра-

ной точки, содержания и в конечном счете исхода этого исторического конфликта играют геополитические и стратегические соображения.

Конфликт между США и СССР возник как естественный результат крушения в итоге второй мировой войны международной системы, в основании которой находилась Европа. Довоенная система межгосударственных отношений, в условиях которой политическое и финансовое господство сохраняла за собой Великобритания, покоилась на поддержании непрочного равновесия на мировой арене между двумя крупными империями (британской и французской), несколькими более мелкими европейскими империями, восходящей японской империей и двумя крупными континентальными государствами (Германией и Россией). Соединенные Штаты же находились, по существу, в стороне от активных международных отношений в результате самоизоляции, вызванной отказом американского сената одобрить их членство в Лиге Наций.

Этот мир погиб во второй мировой войне. На останках старого мира, в котором господствовала Европа, возникло новое соотношение сил. Его определяли только две крупные державы, обе, по существу, неевропейские. Америка уже пользовалась влиянием в мировом масштабе, а Советский Союз господствовал на крупнейшем континенте мира, исторически и идеологически стремясь к статусу мировой державы. Вполне естественно, что Советский Союз рассматривал Соединенные Штаты как главное препятствие на пути к величию и осуществлению своих идеологических замыслов, хотя США вначале видели в СССР лишь угрозу безопасности их союзников, которую можно устранить с помощью тщательно разработанной политики военного сдерживания.

Таким образом, на первый план вышел тот самый исторический конфликт, который еще полтора века назад с удивительной проницательностью предсказал 26-летний

француз Алексис де Токвиль, и каждая из двух держав в конечном итоге приобрела достаточное могущество, чтобы «вершить судьбами» стран земного шара.

Хотя в конфликт включились новые участники, он явился наследием старого, ставшего почти традиционным соперничества и, несомненно, геополитическим столкновением в крупных морских и господствующих континентальных держав. В этом смысле Соединенные Штаты унаследовали роль Великобритании (ранее — Испании или Голландии), а Советский Союз стал преемником нацистской Германии (ранее — кайзеровской Германии или наполеоновской Франции). Морские государства наращивали свою мощь, используя доступные водные пути для создания трансокеанских анклавных владений, через которые они осуществляли политическое и экономическое влияние. Континентальные державы стремились к установлению господства на материке, чтобы тем самым противостоять гегемонии заморского интервента. История учит, что такие конфликты носят обычно затяжной характер и не поддаются быстрому разрешению в результате победы или компромисса, как это бывает в случае прямых столкновений между морскими державами или между континентальными странами.

Геополитические факторы уже сами по себе могли быть достаточными причинами для возникновения конфликта между двумя крупнейшими послевоенными державами. Однако положение осложнялось тем, что Америка и Советский Союз кардинально отличались друг от друга — в значительно большей степени, чем любые соперники, предшествовавшие им на протяжении истории. Пропась между ними можно определить по десяти признакам:

1. *По императивам их соответственного геополитического положения, как об этом только что говорилось.*

2. *По историческому опыту, который формировал политическое подсознание каждой страны.* Соединенные

Штаты были открытым, свободно расширяющимся обществом добровольных иммигрантов, которые не имели общего прошлого, но стремились к совместному будущему. Советский Союз был обществом, всегда подчиненных государству, строго регламентированным им и расширяющимся путем организованных из центра завоеваний и каторжных поселений.

3. *По философским ценностям, которые либо формируют национальное мировоззрение, либо узакониваются с помощью идеологии.* Соединенные Штаты придают первостепенное значение личности, что провозглашено «Биллем о правах». Советский Союз узаконил теорию и практику подчинения личности государству.

4. *По политической организации и политической культуре, определяющим то, как обсуждаются, принимаются и пересматриваются решения.* В Соединенных Штатах существует система открытого политического соперничества, подкрепленная независимыми средствами массовой информации и находящая выражение в тайном голосовании, свободных выборах и преднамеренном разделении власти на исполнительную, законодательную и судебную. В Советском Союзе все эти формы власти монополизированы в руках закрытого и подчиненного строгому порядку руководства, которое само себя выбирает и увековечивает, осуществляя полную цензуру средств массовой информации и придавая особое значение тщательно продуманной политической и идеологической обработке народа.

5. *По взаимосвязи духовного с политическим, которая помогает определить внутреннее содержание человеческой личности.* В Соединенных Штатах церковь специально отделена от государства ради максимального расширения свободы вероисповедания и сведения до минимума духовной роли государства. В Советском Союзе церковь подчинена государству, но не ради того, чтобы официально сохранять религиозные ценности, а с целью насажде-

ния поддерживаемого государством атеизма и строгого ограничения религиозной деятельности.

6. *По экономической организации.* В Соединенных Штатах сложилась система, которая, несмотря на несовершенство, предоставляет благоприятные экономические возможности и поощряет личную инициативу, частную собственность, рискованные предприятия и стремление к получению прибыли. И эта система обеспечила высокий уровень жизни большинству американцев. В Советском Союзе всю экономическую деятельность направляет политическое руководство при централизации основных средств производства в руках государства и преднамеренном ограничении свободной инициативы и частной собственности, что происходит в обстановке непрерывных экономических лишений и относительной отсталости.

7. *По образу жизни, выражающему стремление личности к удовлетворению своих запросов.* В Соединенных Штатах существует постоянно изменяющееся, сориентированное на потребителя, в высшей степени мобильное общество с несколько примитивной массовой культурой, которая подвержена различным зигзагам и часто искусному воздействию. Оно имеет тенденцию к неожиданным переменам в настроениях при недостаточно, видимо, развитом чувством гражданского долга. Это не позволяет государству официально предъявлять к личности слишком большие требования, что наглядно показывает отсутствие в Соединенных Штатах обязательной воинской повинности. Советский Союз поддерживает более строгое, ограниченное и поставленное под контроль существование людей в рамках насаждаемой сверху культуры, от которой советские граждане находят убежище в более глубоких и, возможно, более тесных семейных дружеских связях, чем в Америке. Однако на жизнь всех советских граждан накладываются тяжелый отпечаток требования официального социалистического патриотизма, а также милитаризация образования, осуществляемая даже на его начальных ступенях.

8. *По внешней идеологической притягательности обеих систем, определяющей отношение к ним в остальных странах мира.* В Соединенных Штатах существует общество, которое влияет на мир через средства связи и массовой информации, особенно сильно «американизируя» молодежную культуру и создавая преувеличенное, навеянное событиями в Далласе восприятие Америки. Советский Союз привлекателен для бедных стран, которые видят в нем пример якобы справедливого социального развития. Он преподносит себя в качестве передового отряда мировой революции, хотя подобный образ все более тускнеет по мере того, как мир убеждается в застое, экономической неэффективности и политической бюрократизации советского общества.

9. *По историческим циклам, через которые прошли эти великие страны на пути своего развития, достижения его наивысшей точки и упадка жизнеспособности и могущества.* Соединенные Штаты, несомненно, находятся в стадии апогея. И хотя некоторые полагают, что эта стадия осталась позади, США по-прежнему являются первой державой мира. Советский Союз сегодня, как и на протяжении всей своей истории, продолжает стремиться к положению Третьего Рима, и поэтому он, возможно, более заинтересован в достижении превосходства и более готов, чем его соперник, идти ради этого на необходимые жертвы.

10. *По содержанию понятия исторической победы, которое косвенно влияет на определение ближайших целей.* Соединенные Штаты без особого энтузиазма выражают свое стремление к «миру во всем мире» и всемирной демократии, а также патриотической и, несомненно, выгодной им тенденции ассоциировать такое положение дел на международной арене с продолжающимся превосходством Америки. Советский Союз предпринимает более концентрированные усилия для того, чтобы «перегнать Америку», стать во главе сообщества все более схожих по духу

социалистических государств и занять господствующее положение на Евразийском континенте, откуда было бы полностью устранено влияние его противника.

История не знает соперничества между двумя столь несхожими державами. Подобные контрасты не проявились даже в войне с нацистской Германией. Однако никогда еще к конфликту такого рода не подходили настолько осторожно. В истории конфликты этого масштаба — особенно если они были усилены различиями в системах — приводили к войне. Даже если принять во внимание, что конфликты между морскими и континентальными державами носят обычно затяжной характер, Соединенные Штаты и Советский Союз по всем предыдущим меркам должны были бы уже неоднократно воевать друг с другом. *Тем не менее, возоблагодало благоразумие.* Ближе всего они подошли к косвенному участию к войне, как это было в Корее. Столь необыкновенная сдержанность прямо вытекает из разрушительной силы ядерного оружия, которым обладают обе стороны. Оно лишает традиционных преимуществ, получаемых в результате военной победы. Этот новый фактор во взаимоотношениях побуждает к сдержанности, но он также способствует увековечению соперничества. Враждебность смешивается с чувством крайней неуверенности. Каждая из сторон должна делать все необходимое, чтобы другая сторона не добилась решающего военного превосходства, ибо в ядерный век нет времени для восстановления сил и возмещения потерь после начала войны. Ядерное оружие умерило пыл борьбы, но увеличило ее историческую продолжительность и напряженность.

Имперское соперничество

Американо-советское соперничество — борьба не только двух стран. Это борьба двух империй. Обе стороны приобрели имперские качества еще до их столкновения после второй мировой войны. Однако столкновение